

Е. Д. БОНДАРЕНКО
(Институт славяноведения РАН,
Екатеринбург, Россия)

УДК 811.161.1'282.2
ББК Ш141.12-025.7

ОППОЗИЦИЯ «СВОЙ» – «ЧУЖОЙ» ЯЗЫК В ЗЕРКАЛЕ ЛИНГВОКРЕАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДИАЛЕКТНОСИТЕЛЕЙ³

Аннотация. В статье рассматриваются случаи проявления метаязыковой рефлексии диалектоносителей по поводу межъязыковых и междиалектных различий. Основным материалом для анализа послужили метаязыковые лексемы, коллективные прозвища и метаязыковые высказывания жителей Русского Севера (Архангельской, Вологодской, северо-востока Костромской области) и Псковской области. Метаязыковые тексты с Русского Севера были записаны в 2005–2017 гг. Топономической экспедицией Уральского федерального университета.

Цель исследования – выявление особенностей метаязыкового осмысления «чужой» речи носителями диалекта, общности и различий в восприятии «чужого» языка и «чужого» говора. В результате ономазиологического анализа лексем и контекстного анализа метаязыковых высказываний выявляются следующее: оппозиция «свой язык – чужой язык» в сознании диалектоносителей приобретает вид «свой говор – чужой язык», стирая границы между «чужими» идиомами; эталоном «чужого» языка становится, чаще всего, язык населения контактной территории; оценка диалектоносителями фактов «чужого» языка зависит от системно-языковых особенностей контактного идиома, а выбор слов-индикаторов для сравнения языков и диалектов связан с особенностями взаимодействия русских и «чужих» народов (преимущественно финно-угров), сосуществовавших на изучаемой территории.

Ключевые слова: этнолингвистика; русская диалектология; языковое сознание; наивная лингвистика; метаязыковая функция языка; метаязыковая рефлексия; Русский Север.

---

³ Авторская работа выполнена при поддержке РФФИ по проекту «Славянские архаические зоны в пространстве Европы: этнолингвистические исследования», № 17-18-01373.

Основным объектом лингвокреативной деятельности диалектоносителей (а соответственно, и «меркой» для описания языка) является свой говор. В сравнении с ним выделяются индивидуальные особенности речи, специфика речевой деятельности представителей других территориальных и социальных групп. Сходным образом строится и восприятие диалектоносителями чужих языков. Оппозиция «свой язык – чужой язык» в таком случае приобретает вид «свой говор – чужой язык». Таким образом, в сходные позиции попадают чужой язык и чужой говор – граница между ними, не всегда абсолютная и в научной лингвистике, может полностью стираться в сознании диалектоносителей⁴.

В настоящей статье речь пойдет об особенностях наивного метаязыкового осмысления «чужой» речи носителями диалекта, общности и различиях в восприятии чужого языка и чужого говора. Основным материалом для анализа послужили метаязыковые лексемы, коллективные прозвища и метаязыковые высказывания жителей Русского Севера (Архангельской, Вологодской, северо-востока Костромской области⁵) и Псковской области – территорий контактов с финно-угорскими (вепсы, карелы и др.) и прибалтийскими (латыши) народами. Метаязыковые тексты с Русского Севера были записаны в 2005–2017 гг. Топонимической экспедицией Уральского федерального университета (в работе которой принимал участие автор данной статьи).

Специфика восприятия «чужого» идиома, как думается, отчасти обусловлена аксиологичностью мышления диалектоносителя; ему необходим эталон, по которому могли бы быть изме-

---

⁴ Особым образом, впрочем, обстоит дело на территориях, где равноправно сосуществуют несколько языков и диалектов, см., например, ситуацию в Западной Ингерманландии, описанную М. З. Муслимовым [Муслимов 2012], или ситуацию аула Уляп в республике Адыгее, анализируемую в статье А. А. Сомина [Сомин 2012].

⁵ А именно: Вохомского, Октябрьского и Павинского районов Костромской области, входивших до 1918 г. в состав Никольского уезда Вологодской губернии.

рены все отмеченные рефлексией явления языка (традиция, норма литературного языка и др.). Формулирование правил функционирования того или иного языкового средства, а также социальная и территориальная дифференциация пластов языка неизбежно происходят с позиции соответствия / несоответствия установленной норме. Речь, соответствующая норме, может обозначаться наивными лингвистами как «русская» и противопоставляться ненормативной, «нерусской», речи, при этом «нерусской», в зависимости от ситуации становится:

– речь на своем диалекте (эталон – общенародная норма произношения и словоупотребления), ср.: «Шубный язык у нас, *нерусский*, вологодский говор» (влг.) [КСГРС];

– речь на чужом диалекте (эталон – традиционное, местное, произношение и словоупотребление), ср.: «В Вилегодском районе-то тянут. А эти поселенцы не тянут, всё равно что иностранцы» (арх.) [КСГРС];

– речь на чужом языке (эталон – свой говор), ср. «Они-то *по-чухарски* говорят, *по-латынски* как-то» (влг.) [КСГРС].

Непринципиальным, как видно из предыдущего контекста, становится также и то, на каком именно языке говорят «чужие», в их наименования вкладывается наиболее актуальная для диалектоносителей семантика «носитель чужого языка (любого)», ср.: «Аюклы <мифическое племя> ходили тут раньше и щас иногда ходят. Не по-нашему разговор, как чуди» (арх.) [КСГРС]; влг. *кайваны* ‘вепсы’; ‘люди, говорящие на чужом, непонятном языке’ [КСГРС].

Своеобразным «эталонном» иностранного языка для носителей определенного говора, в свою очередь, становится контактный язык: любая иностранная речь представляется речью на этом языке. Шире – контактный язык может быть «эталонном» любой непонятной, невнятной речи. Например, контактными являются западные районы Вологодской области и территория Карелии, и «эталонном» становится карельский язык, ср. влг. *корелка* ‘о человеке, говорящем невнятно или непонятно’: «Да говори хорошенько, что ты всё кореляешь, как корелка. Да и сами-то говорим, настоящие корелки» [КСГРС], влг. *корелять* ‘говорить невнятно или неправильно’: «Кореляет язык-то как-то по-

немецки» [Там же]; в сознании населения Бабаевского района Вологодской области любой язык становится *чухарским*, ср. *чухарь* ‘человек, говорящий на непонятном языке, прежде всего вепс, также м. б. татары, цыгане’: «В Куе чухари живут – говорят непонятно эти лопотошники, да колдуны они все»; *почухарски* ‘по-вепски’, ‘непонятно’: «Они-то по-чухарски говорят, по-латынски как-то» [Там же]; диалектоносителям Ленского района Архангельской области непонятная речь представляется речью *зырян*, ср. *зырянка* ‘бормочущая, невнятно говорящая женщина’: «Ну, залокотала, зырянка» (арх.) [Там же]; контактной территорией для Псковской области является Латвия, и эталонным чужим языком становится латышский, ср. пск. *латышать* ‘говорить нечисто, картавить’ [ПОС 16: 530]; пск. *латышкать* ‘лепетать, начиная говорить (о ребенке)’ [Там же].

Диалектоносители, живущие на пограничье, отслеживают явления смешения языков, ср. пск. *кувыркәнец* ‘человек, мешающий в речи слова двух языков’: «Он скажи одно слово по-русски, другое по-латышски. Все их кувырканцами ляпили. Латыши здесь жили. Русские, а язык был памешан как-то» [ПОС 16: 319]; пск. *кайкун* ‘прозвище человека, который выделяется особенностями своей речи’: «Кайкуны – за то называют, што одно слово скажешь по-латышски, другое по-русски, вот и дражут кайкуны» [ПОС 13: 395].

Отождествление иностранной и невнятной речи – весьма частое явление в диалектной среде, ср. примеры многочисленных звукоподражательных глаголов, обозначающих непонятную речь: пск. *забалботать* ‘заговорить быстро и непонятно’: «Холушка, украинка как забалбоца. Пириварот протиф нашыва разгавору» [ПОС 11: 5]; пск. *лялякать* ‘говорить непонятно’: «Чухна говорят – так не понять, не по-нашему, рокочут, ну лялякают: ля-ля-ля-ля-ля» [ПОС 17: 304]; «Комяки-то как, лок-лок, да и говорят» (арх.) [КСГРС].

Множественность звукоподражательных номинаций связана, по-видимому, с осмыслением диалектоносителями «чужой речи» с позиции слушателя: воспринимается в первую очередь собственно звуковой слой речи. При этом в случае с иностранным языком звуковая информация не может быть «раскодиро-

вана»; содержание речи остается непонятым, соответственно и реагировать слушатель может только на план выражения. Реакция при этом может быть различной: а) воспроизведение чужой речи, «передразнивание» ее – в этом случае возникают звуко-подражательные номинации носителей «чужого» языка; б) отказ от восприятия – тогда возникают номинации типа влг. *немтыш* ‘немой’, ‘неразговорчивый человек, молчун’, ‘человек с невнятной речью’: «Немтыш – это кто немой или плохо, невнятно говорит» [КСГРС].

Представления об отдельных элементах «чужой» языковой системы. Итак, наиболее яркими и быстро улавливаемыми в речи собеседника являются ее *фонетические и просодические* особенности.

Специфика фонетики определенного этноса может отражаться в обозначениях нарушений дикции, ср. пск. *латыш* ‘тот, кто неверно произносит звуки «р» и «л», картавит’ [ПОС 16: 530]; пск. *латышатъ* ‘говорить нечисто, картавить’ [Там же]; в этнических прозваниях, ср. смол. *тшек* ‘поляк’ [СРНГ 33: 182]; в паремиях: «Только мертвый литвин не дзекнет» [Даль ПРН: 723]. Отметим, что «отфонетические» клички обычно получают носители родственных русскому языков.

Возможно, подобные «системно-языковые предпочтения» связаны с тем, что фонетические особенности легче улавливаются в такой речи, которая в целом похожа на речь субъекта номинации: принципиальные, явные отличия в данном случае находятся только в фонетике (ср. русское наименование поляков *тшеки*). В восприятии же языка более далекого от русского смысловоразличение вообще затруднено – как следствие, внимание будет направлено на те элементы, которые чаще всего повторяются в типичных коммуникативных ситуациях (фатическая лексика, обращения, антропонимы и т. д.).

Отличия в звуковой организации речи часто становятся мотивирующим признаком и для наименований жителей близлежащих деревень. Во внимание «наивных лингвистов» попадают такие параметры, как: громкость речи, ср. арх. *лэкола* (*лэкала*) ‘жители д. Федотовская Шенкурского р-на Архангельск. обл.’: «Громко говорят» [Воронцова 2002: 181]; ско-

рость и частота речи, ср. влг. *тяпуны* (*тяпы*) ‘жители д. Пиксимова Вашкинского р-на Вологодск. обл.’: «Редко говорят, как бы рубят» [Воронцова 2002: 250]; интонационные особенности, ср. арх. *ляпуны* ‘жители д. Сойдозера Олонецк. губ.’: «Дразнят обывателей Сойдозера за то, что они говорят протяжно и с присвистом» [Там же: 208].

Частотными являются также метаязыковые контексты, где обозначаются фонетические особенности речи жителей соседних территорий (оканье, цоканье, прогрессивная ассимиляция заднеязычных согласных по мягкости и др⁶.), ср. «Далеко ли Теребаево? <...>Там *Манька*, а здесь *Манька*» (влг.) [КСГРС].

Среди метаязыковых контекстов, посвященных особенностям «чужого» языка, нам лишь однажды встретился пример осмысления специфики произношения *чухарей*, ср.: «В деревне совсем другие чухари, они и говорят по-другому: “виньця”, “овця”, “хлебьця”, “сеньця”» (влг.) [Там же], причем в данном случае *чухари* наделяются, по-видимому, произношением носителей соседнего говора.

Сходство в восприятии диалектоносителями «чужого» языка и «чужих» говоров проявляется в «птичьей» и «иностранческой» номинативных моделях коллективных прозвищ.

«Птичья» модель. Птицы в силу своей способности издавать интенсивные звуки, напоминающие человеческую речь, нередко представляются диалектоносителям говорящими на каком-то языке. Соответственно, носители непонятной речи могут именоваться с помощью «птичьих» прозвищ: влг. *журавлі́* ‘жители куста дер. Польшенга Кирилловского р-на Вологодск. обл.’: «Кричали, как журавли» [Там же: 177]; арх. (*ротковецкие*) *ка́йки* ‘жители куста дер. Ротковец Коношского р-на Архангельск. обл.’: «У нас в Ротковце озеро святое, бабы выйдут на прорубь белье полоскать, и – кай-кай-кай – как галки галдят» [Там же: 185]. «Птичьими» прозвищами могут наделяться и жители деревень, населенных иностранцами, ср. влг. *грачі́* ‘жители д. Кузьминская Шекснинского р-на Вологодск. обл.’: «Барин

---

⁶ Подробно об этом см.: [Бондаренко 2017].

купил эту деревню и привез туда мордву, а они говорили по-своему, так их и прозвали грачи⁷» [Там же: 171].

В «инородческой» модели особенно сильно проявляется типичное для диалектоносителей восприятие любого непривычного, не «своего» идиома как «чужого» языка, ср. арх. *Турция* ‘д. Лопшеньга Приморского р-на Архангельск. обл.’: «В Турции говорят не по-нашему» [Воронцова 2002: 251–252]; арх. *япóнцы* ‘жители д. Яреньга Приморского р-на Архангельск. обл.’: «Наши всегда смеялись над яренжатами: две деревни, а говорят по-разному, они всегда слова растягивали и говорят все не так, потому японцы» [Там же: 264]; арх. *турки / китайцы* ‘жители дд. Докукинская и Чургинская Вилегодского р-на Архангельск. обл.’: «Турки говорили не по-нашему, а нас китайцами звали» [Воронцова 2011: 333] и др.

На *лексическом* уровне объектом рефлексии диалектоносителей служат наиболее частые в речи чужого коллектива единицы, становящиеся маркерами данного языка: элементы фактической рамки языка, ср. рус. арх. *асей* (< *I say* или *I see*) ‘иностранец, особенно англичанин’ [СРНГ 1: 283], обращения, ср. пск. *камрат* ‘немец как оккупант во время войны’: «Мельницу камраты, немцы, сажгли» [ПОС 13: 450]; арх. *камán* (< *come on*) ‘английский или канадский солдат (как правило, об интервентах 20-х гг. XX в.)’ [СГРС 5: 44], *уйки* ‘поляки (< *wójek* ‘дядя’, ‘мужчина’)»⁸: «Поляки тут жили, бабушка их уйками называла» [КСГРС].

Словами-индикаторами чужого языка на анализируемой в настоящей статье территории становятся также географические термины, ср.: «Кáра по-вепски на озере, так по-русски это заводь» (влг.) [КСГРС]; «Ну вот как объяснить, река

---

⁷ Впрочем, Ю. Б. Воронцова полагает, что мотивировка по признаку речи может быть вторичной, появившейся уже на современном этапе. Изначально в основе номинации могли лежать «тотемные названия, распространенные в языках аборигенного населения, которые повлияли на создание ономаσιологической модели “коллектив людей” – “птицы”», которая затем получила новое мотивационное наполнение» [Там же: 122–123].

⁸ Версии относительно происхождения слова уйки подробно рассматриваются в [Березович 2018 (в печати)].

текла, потом заилело, а там песок, берег-то крутой, а через песок вода. Вот это-то выем и есть. Вот по коми-то выем: вый – масло, ем – есть⁹) (арх.) [Там же]; ловушки на рыбу, ср.: «Мерд по-вепски, по-русски если – мёрды. Четыре еловых прута (...) Внизу этого квадрата напя'ливается сетка и рыба выйти не может» (влг.) [КСГРС]; ремесленная терминология, ср. «Томár – это по-куйски¹⁰, по-нашему-то шерстобитка» (влг.) [Там же]; терминология игр, ср.: «Играли *пáликами*, ставят рядами, по-своему, не знаю, как по-ихнему, *пáну* по-своему, ряд поставим, передвигают, которые победят, как сшибут» (влг.) [Там же].

Предметом метаязыковой рефлексии становятся непрозрачные по внутренней форме топонимы. Почерпнутое из исторических преданий знание о «чужих» народах, некогда населявших ту или иную территорию, позволяет приписывать этим народам создание топонимов с затемненной (с точки зрения диалектоносителя) внутренней формой. Такими народами для крестьян Русского Севера могут быть: татары, ср.: «Илезем, Каница, Ухна – это все названия татарские. Когда татаро-монгольское иго было здесь – они и дали» (костр.) [ТКТЭ¹¹]; «чудь», ср.: «Говорят, скандинавские народы здесь смешались – и Чухчерема значит Чудь Белоглазая» (арх.); лопари, ср.: р. *Лóпиенъга*: «Первы-то сюда новгородцы приезжали да со Пскова, а до них, бат, лопари жили, оне по себе и назвали»; финны, ср. оз. *Пáшмозеро*: «Финское название» (влг.); меря, ср.: р. *Нёмда*: «Название дали меря. Нёмда – вязкое чёрное дно, где топнут» (костр.); шведы, ср. оз. *Кóдозеро*: «Шведы были тут, один говорил со мной. По-нашему, говорит, это лебединое

---

⁹ Здесь информант, как думается, «узнает» иноязычный формант в русском по происхождению слове.

¹⁰ В данном примере «чужая» лексема обозначается не через принадлежность к языку «чухарей», вепсов, а через принадлежность к говору жителей д. Куй, населенной вепсами;

¹¹ Во фрагменте, посвященном анализу народного восприятия «чужих» топонимов, все контексты взяты из Топонимической картотеки топонимической экспедиции УрФУ (ТКТЭ), ссылка на источник для них далее приводиться не будет.

озеро значит» (влг.); поляки, ср. д. *Кьярда*: «Там жили когда-то поляки или немцы, это они называли так – поляки» (влг.); б. д. *Пизьгумусь*: «Поляки-то ведь у нас тоже были, пришли и завоевали, польские названия-то» (влг.); белорусы, ср. р. *Орша*: «Из Белоруссии приехали, видно там у них Орша была» (костр.); «прежние народы», ср. р. *Моткиш*: «Моткиш – так прежние народы называли» (костр.).

Метаязыковая рефлексия в связи с «чужими» топонимами может усложняться и приобретать своеобразный «системный» характер. Ср. р. *Полевая Вочема*: «Вочема – это не наше название. Корень “ма” означает на том языке “река, вода, поток”. У нас тут Вохтома, Песома» (костр.). Информант выделяет словообразовательный формант, являющийся для него маркером «чуждости» топонима, толкует его и доказывает свое толкование примерами топонимов с тем же формантом.

Широко распространенной среди диалектоносителей является рефлексия над личными именами иностранцев. При этом любое нетипичное имя может восприниматься как иностранное, а показателем «чужого» имени может быть как необычный звукокомплекс в целом, так и его отдельные элементы.

Маркированность того или иного этноса типичным антропонимом может определяться не только и не столько лингвистическим чутьем диалектоносителей, сколько их культурно-исторической памятью, ср.: «Здесь были остатки чуди. Там есть жители с фамилиями Верецагин и Шульгин. Говорят, что это чудские фамилии» (костр.) [ЭКТЭ]. Иностранные антропонимы могут осмысляться в рамках рефлексии над происхождением топонимов, ср. р. *Томаш*: «Там поляк жил Томаш, пришел тогда, когда панское нашествие было» (влг.) [ТКТЭ]; бол. *Рада*: «Польское какое-то имя» (арх.) [Там же]. При этом лингвистическое чутье может «противоречить» историческим фактам, ср. влг. *Бовины* ‘фамилия местных жителей’: «Хоть они исконные, а фамилия, как у евреев» [АКТЭ]; влг. *Додины* ‘фамилия местных жителей’: «Они вековые здесь, а фамилия, как у евреев» [Там же].

Метаязыковая рефлексия может касаться словообразовательной структуры антропонима. В данном случае работает системно-языковой фактор: форма имени вписывается в определен-

ную модель образования «чужих» антропонимов, сложившуюся в сознании диалектоносителя, ср.: «Раньше у нас здесь жили поляки, паны-то. От их фамилии остались: Тонковский, Нередовский, Назаровский» (влг.) [ЭКТЭ].

Обратимся к особенностям наивного восприятия и осмысления различий диалектной лексики. Предметом внимания диалектоносителей становятся следующие «типичные» лексемы «чужого» (соседского) диалекта: обращения, ср. арх. *дружкі* ‘прозвище онежских бурлаков, называющих каждого молодого парня дружком’ [Воронцова 2002: 174]; «А в Баданках наговорь уже другая была: не *Манька*, а поштё-то *Мариечка*» (влг.) [Там же]; наименования бытовых реалий (выпечки, одежды, утвари, частей дома и др.), ср.: «Ветченята эстонцы были. У нас *чулан* на мосту-то, у них *клеть*. Домики у их маленькие были» (костр.) [ЭКТЭ]; сельскохозяйственных орудий, ср. *Копачом* картошку огребают, а в Курилове – *копушкой*» (влг.) [Там же]; объектов живой природы (грибов, ягод), ср.: «*Путікі* называют *груздями* в Череповце, а у нас *путікі*» (влг.) [Там же]; служебные части речи, модальные слова, ср.: «Ноколяна чивкуны. Наверно, присказывали к каждому слову чево-то “чи”» (арх.) [БДКА] и др.¹².

Выбор тематических групп, позволяющих выделить диалектные различия, достаточно прозрачен: это лексика наиболее «бытовых» сфер жизни, обрисовывающая ситуации, которые происходят ежедневно. Кроме того, предметом осмысления диалектоносителей очень часто становятся факты междиалектной омонимии¹³, ср. «В Милофанове ошурки от сала – *сморчки*. А у нас *сморчки* – грибы. Вот смешно!» (влг.) [ЭКТЭ]. Антропонимикон и топонимикон соседей редко привлекает внимание «наивных лингвистов»: традиция выбора личных имен, как правило, является у жителей соседних территорий сходной¹⁴, а топонимикон – общим. Крайне редко встречаются случаи параллельно бытую-

---

¹² Подробно об этом см. [Бондаренко 2017].

¹³ Подробно о народном осмыслении междиалектной омонимии см. [Бондаренко 2017].

¹⁴ Лишь изредка в рассказах диалектоносителей встречаются истории о деревнях со «странными» именами. См. об этом [Бондаренко 2016].

щих топонимов, ср.: «На *Пырьеватках* косили, а в Калининe их *Пеневатки* звали, наши-то *Пырьеватки*» (влг.) [ТКТЭ].

Выводы

Подводя итоги, обозначим некоторые особенности наивного осмысления оппозиции «свой» – «чужой» язык в метаязыковом сознании жителей Русского Севера и северо-западных регионов России.

- Эталонем осмысления языка диалектоносителями является свой говор. При сравнении с ним выделяются особенности речи представителей других территориальных групп.

- Эталонем чужого языка часто становится язык населения контактной территории.

- Специфика лингвокреативной деятельности диалектоносителей зависит от особенностей языковой ситуации. Проживание в зоне постоянных языковых и этнокультурных контактов с носителями «чужого» языка стимулирует активность рефлексии над различиями идиомов, причем характер этой рефлексии может быть обусловлен как собственно языковыми, так и экстралингвистическими (социальными, историческими) факторами.

- Любой «чужой» идиом представляется диалектоносителям странным, речь на нем – непонятной, невнятной, что проявляется, например, в «птичьей» и «инородческой» моделях коллективных прозвищ.

- Различным образом воспринимаются фонетические особенности «чужого» языка и «чужого» говора. Оценка диалектоносителями фактов «чужого» языка зависит от системно-языковых особенностей контактного идиома. При сравнении близкородственных языков, а также соседних диалектов осмыслению подвергается в первую очередь звуковая сторона речи; в осмыслении же более «далеких» языков особенности произношения «чужаков» не являются релевантными, большую важность приобретает расхождение с лексикой «чужого» языка.

- Словами-индикаторами «чужого» языка на исследуемой территории становятся обращения, элементы фатической рамки языка, а также географические термины, термины промысловой и ремесленной деятельности. Частотны контексты, где осмысляются субстратные топонимы и «чужие» антропонимы. Марке-

рами соседнего диалекта чаще становятся бытовые и сельскохозяйственные реалии, «соседские» топонимы и антропонимы практически не осмысляются. Думается, это связано с особенностями взаимодействия русских и «чужих» народов (преимущественно финно-угров), сосуществовавших на изучаемой территории, а также с тем, что финно-угорское население к настоящему моменту практически исчезло с этих земель, представления о нем хранятся преимущественно в субстратных топонимах, антропонимах и заимствованной лексике, т.е. контакт с носителями «чужого» языка у местных жителей «диахронический», исторический. Взаимодействие же с жителями соседних деревень и регионов – «синхроническое», отсюда – необходимость взаимопонимания в повседневных бытовых делах, системы же антропонимов и топонимов являются едиными.

- Наконец, отметим, что метаязыковые представления диалектоносителей о «чужом» говоре нередко эксплицированы в форме развернутых оппозитивных контекстов, где сравниваются отдельные элементы своей и чужой языковой системы. Представления же о «чужом» языке чаще имплицитно содержатся в метаязыковой лексике и коллективных прозвищах. Размышления диалектоносителей, касающиеся междиалектных различий в лексике, нередко «ситуативны»; сравнивается речевое поведение жителей различных деревень в сходной бытовой ситуации, ср. «У нас гороховики собирают, а в Заостровье их горянками называют» (арх.) [КСГРС]; представления же об особенностях «чужого» языка на данной территории, скорее, «меморативны», они во многом «реконструируются» диалектоносителями из бытующих в их речи чужих топонимов, антропонимов, а также легенд и преданий о заселении края.

ЛИТЕРАТУРА

АКТЭ – антропонимическая картотека ТЭ УрФУ (кафедра русского языка и общего языкознания УрФУ, Екатеринбург).

БДКА – Каргопольский архив этнолингвистической экспедиции РГГУ : база данных (Российский государственный гуманитарный университет, лаборатория фольклора).

Березович Е. Л. К изучению западнославянских заимствований в

русских народных говорах // *Studia etimologica Brunensia*. 2018. В печат.

Бондаренко Е. Д. Об особенностях наивной дифференциации личных имен: «странное» имя // *Уральский филологический вестник*. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. 2016. №1.

Бондаренко Е. Д. Диалектные различия в языковом сознании жителей Русского Севера (на материале оппозитивных контекстов) // *Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2 : Гуманитар. науки*. 2017. Т. 19. № 4 (169).

Воронцова Ю. Б. Коллективные прозвища в русских говорах : дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2002.

Воронцова Ю. Б. Словарь коллективных прозвищ. М., 2011.

Даль ПРН – Даль В. И. Пословицы русского народа. – М., 1993. Т. 1–3

КСГРС – картотека Словаря говоров Русского Севера (кафедра русского языка и общего языкознания УрФУ, Екатеринбург).

ЛКТЭ – лексическая картотека ТЭ УрФУ (кафедра русского языка и общего языкознания УрФУ, Екатеринбург).

Муслимов М. З. «Народная диалектология» в нижнелужицком ареале // *Acta linguistica petropolitana. Труды института лингвистических исследований*. – СПб., 2012. Т. VIII. Ч. 1.

НОС – Новгородский областной словарь. Великий Новгород, 1992–2000. Вып. 1–13.

ПОС – Псковский областной словарь с историческими данными. Л., 1967–. Вып. 1–.

Сомин А. А. «Диалектная чересполосица» и наивная диалектология // «Народная лингвистика»: взгляд носителей языка на язык : тез. докл. междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 19–21 ноября 2012 г.). – СПб., 2012.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. – М. ; Л. ; СПб., 1965–. Вып. 1–.

ТКТЭ – топонимическая картотека ТЭ УрФУ (кафедра русского языка и общего языкознания УрФУ, Екатеринбург).

ЭКТЭ – картотека фольклорных и этнографических материалов ТЭ УрФУ (кафедра русского языка и общего языкознания УрФУ, Екатеринбург).

©*Бондаренко Е. Д.*, 2018